

ВОЙНА КАК АРХЕТИПИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. О МОНОГРАФИИ С.В. РЕЗНИКА «КОНЦЕПТЫ И ИДЕОЛОГЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ИСЛАМЕ»

С.Н. БОРИСОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru*

Неизменно актуальная тема ислама рассматривается в монографии Сергея Васильевича Резника «Концепты и идеологемы войны и мира в исламе». Пассионарность этой религии на фоне культурно-цивилизационной «усталости» мира постмодерна делает ее предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных авторов. Тем более интересен ракурс рассмотрения, заключающийся в реконструкции «изнанки» идеологических конструктов самой молодой мировой религии, извлечении архетипической основы, растворенной в мифологии и священных текстах ислама.

Ставя перед собой задачу экспликации концептов и идеологем ислама, автор затрагивает сущностный вопрос каждой религии: проблему соотношения веры и власти, религии и политики. Так, перефразируя классика традиционной теории войны К. фон Клаузевица, который понимал войну как продолжение политики, только другими средствами, можно сказать, что С.В. Резник приходит к пониманию войны как продолжению религии иными средствами¹.

Ключевым для понимания проблемы является понятие «культурного архетипа», отсылающее к изначальной связи войны и культуры, а также войны и мифа, что подтверждается рядом исследований. Так согласно модели предложенной Б. Поршневым на ранних ступенях бытия культуры обмен деятельностью в значительной степени носил насильственный характер (негативное взаимодействие племен в рамках дуально-этнического отношения «мы-они»)². С ходом развития истории происходило естественное умножение контактов, характеризующееся единством и взаимопроникновением, общением и обособлением, взаимодействием и отталкиванием. Результатом генезиса форм культурного бытия стала, по мнению В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова, наличная система обмена деятельностью, которая и есть тот «внутренний скелет», обрастающий покровами культурных связей «в совокупности составляющих целостное тело мировой культуры»³. Таким образом, многообразный опыт культурных связей «отливается» в устойчивые культурно-опытные *ментально-антропологические формы* – «архетипы», в том числе и архетип войны.

История человека, которая начинается в нижнем плейстоцене около двух миллионов лет назад с появлением предковой формы (гомо хабилис), обладающей прямой походкой, гоминидным скелетом, развитым мозгом и употребляющей обработанную гальку в качестве орудий труда, таким образом, тесно связана с насилием и войной. У человека разумного сочетание имитации и интердикции, ставшее регулятором орудийной деятельности, перестроило телесную и нейрофизиологическую морфологию, систему первосигнальной коммуникации и условно-рефлекторной регуляции поведения. Для изучения проблемы идеологем войны этот процесс интересен, прежде всего, тем, что имитативно-интердиктивный комплекс подчинил себе не только трудовую деятельность,

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. – С.504.

² См. подробнее: Римский В.П.. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.

³ Давидович В.Е., Жданов Ю.А.. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979., – С. 177.

но и другие сферы жизнедеятельности палеоантропов: обучение, половые отношения и проявления насилия и агрессии.

Имитативно-интердиктивный коммуникативный механизм обеспечивал эффективную трансляцию «технологий» и орудий труда. Человек разумный освоил огонь, новые материалы, строительство жилищ, расширил набор каменного инвентаря, научился изготавливать орудия для изготовления орудий. Однако дальнейшее совершенствование орудийной деятельности в условиях открытости стадных структур и имитационно-интердиктивным способом коммуникации становилось невозможным. Развитие механизма интердикции (запрета) могло породить паразитизм одних популяций за счет других, что неминуемо приводило к специализации деятельности. Формы паразитизма внутри популяции вызывало конфликт между мужскими и женскими группировками. Все эти процессы приводили к локализации отдельных групп. Дуальноэтнические отношения порождали знаковую и психологическую оппозицию «мы-они», подтверждающуюся археологическими данными: следы использования охры как знаковые системы группового отличия, захоронения медвежьих костей (знаково-символические системы в рамках дуальной оппозиции «мы-они»).

В силу ряда причин (угроза вымирания по причине генетических законов и экологических колебаний) локализация, характеризующаяся преобладанием механизма интердикции (система запретов на использование насилия внутри группы), сменялась «возвратом» к открытым структурам первобытного стада, замедлением дуальноэтнических отношений, когда суггестивный механизм интердикции не срабатывал. Это было время убийств, канибализма и некрофагии.

Таким образом, все богатство предшествующих коммуникационных систем и психофизиологических механизмов суггестии получило свое развитие и воплощение в *первоначальной форме сознания – речи-мифе*, которая регулировала все многообразие трудовых и социальных отношений в первичных общественных коллективах, в том числе проявления насилия, что выражалось в первобытных табу. Так возникает архетип войны, закрепившийся в мифе как архетип легитимного насилия.

Сергей Васильевич, на основе анализа арабо-симитской мифологии, делает закономерный вывод о том, что семитская мифология послужила основой для формирования идеологии и практики ислама: «Отталкиваясь от культовых и культурных текстов христианства и иудаизма, ранний ислам их или перекодировал, или переинтерпретировал, или выворачивал смыслы и социокоды, придавая им собственный смысл по признаку инверсии, переиначивания»⁴. А позднее это мифологическое основание ложится в основу догматики.

Указанные процессы, появления концептов войны и мира, носили сугубо конкретный характер и были обусловлены исторически. Нарождавшаяся религия ислама заимствовала только жизненно необходимое, отсеивая лишнее. Автор очень верно замечает по этому поводу, что: «то, что ощущается жизненно важным в существовании народа, приводится в тесное отношение с религией и окружается религиозными санкциями, так что всякому экономическому и социальному образу жизни соответствует своя форма религии. Исходя из этого возможно построить классификацию религий, основанную на главных социологических и экономических типах культуры. Так можно выделить религию охотника, религию земледельца и религию воина. Или же религию племени, религию города и религию империи»⁵. Именно к последней, «религии воина», судя по всему можно отнести ислам, вобравший в себя мифологемы войны семитского политеизма.

Необходимо отметить, что архетип тотальной войны, к которому сводит автор концепт войны в исламе и генеалогию которого просматривает у семитов, не столь универсален и часто реанимируем, отнюдь не любое столкновение племен приводило к его актуализации, что замечательно показывает М. Мосс в работе «Социальные функции

⁴ Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

⁵ Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

священного», механизмы сдерживания насилия работали эффективно. То есть всегда следует отличать войну как насилие «в рамках», подчиненное правилам, и войну тотальную, по сути, являющуюся террором.

То есть, на самом деле существует не один архетип войны, а два, которые перенимаются и впитываются исламом. Первый условно называемый «легитимным» и второй менее очевидный, «не легитимный». Практика реализации этого концепта показывает, что доминировал первый, так как идеологема войны была взята на вооружение «религией империи», призванной упорядочить и объединить, отеснить хаос, в том числе и с помощью оружия, на периферию. Но также, идеологема войны несла не только функциональную культурную (как деятельность), но и архаическую, как индикатор отношений с внешним миром, подспудной реанимации архаической дуальности «мы – они».

Это соотношение, явного и скрытого, прагматики и аффекта, определяет различие взглядов в самом исламе и позволяет С.В. Резнику выделить различные проекты: «Исламский мир не является единым в характере отношений с внешним миром, который определяется борьбой *четырёх проектов: либерального* (модернизаторского), *джихадистского* (антиглобалистского и антизападного фундаментализма), *террористического* (религиозно-сектантского) проектов, реализующихся на фоне *традиционалистского* (традиционного ислама) проекта, являющегося оправданием сложившегося статус-кво»⁶.

Оправданным выглядит более пристальное внимание автора к фундаменталистскому проекту, к основным чертам которого относится: приоритет Корана при буквальном его толковании; отрицание инокультурных законов и стандартов; идея дихотомии мира, полярности добра и зла; обоснование необходимости захвата власти и установления теократического режима; приоритет теократии и тотальный характер ислама; возможность насильственных методов в делах веры и т.п. Идеологемы фундаменталистов воспроизводятся с использованием отчетливой антизападной и антиглобалистской риторики.

Проведенный автором анализ и идеологии исламского сектантства в лице таких его представителей как ваххабизма и движение Талибан, позволил сделать вывод о том, что близость идеологий движений исламского фундаментализма и террористического движения является чисто внешней. Идеологическое наполнение не соответствует практике, концепт не согласуется с идеологемой. Антисистемность как сущностное свойство воплощается в концептах террора, а не традиционной формы ведения войны, закрепленной в догматике ислама. Отдавая предпочтение анализу идеологем, Сергей Васильевич не уделяет достаточного внимания практике, свойственной данному проекту, что, впрочем, и не является его целью, хотя и следует из самой концепции.

В целом, монография является примером удачного анализа актуальнейших проблем современности и позволяет воссоздать не только теоретическую схему манифестации культурных архетипов войны и мира, но с ее помощью дать рекомендации по осуществлению межкультурного и межконфессионального диалога.

Список литературы

1. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002.
2. Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
3. Давидович В.Е., Жданов Ю.А.. Сущность культуры. – Ростов-н/Д, 1979.
4. Резник С.В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе: / С.В. Резник; под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

WAR AS ARCHETYPICAL REALITY.

ON "CONCEPTS AND IDEOLOGEMES OF WAR AND PEACE IN ISLAM" BY S.V.REZNIK

⁶ Там же.

S.N. BORISOV

Belgorod State University

e-mail:

SBorisov@bsu.edu.ru

